

METHODS AND MEANS OF THE COMPARISON EXPRESSION IN THE LITERARY SPEECH (ON THE EXAMPLE OF THE FAIRY-TALE POEM “THE MAIDEN TSAR” BY M. I. TSVETAeva)

Abstract: The Czech Republic has an effective social protection system in place, with sufficient resources and a constant willingness to alleviate or prevent any social upheaval. The specific features of the system are the application and implementation of the standards on a voluntary basis, insofar as they are not incorporated into the normative act and their universality - they are applicable to all risk groups.

Author information:

Irina Pushkareva

Assoc. prof., Doctor of Philological Sciences,
✉ Irina_Pushkareva2016@mail.ru
🌐 Russia

Keywords:

idiostyle of M. Tsvetaeva, stylistic figure, comparison

Viktoriya Kozina

Novokuznetsk Institute (branch)
Kemerovo State University
Novokuznetsk
🌐 Russia

Сравнение традиционно привлекает внимание лингвистов своим когнитивным механизмом и формами языковой репрезентации. Стилистика художественной речи рассматривает сравнение как важное изобразительно-выразительное средство [1, с. 141–143; 2, с. 224–230; 9, с. 356–357; 6; 7; 11; 12 и др.]. Выразительный потенциал сравнений раскрывается под влиянием идиостиля и эстетического замысла, стоящего за художественным текстом. Сравнения в художественном тексте образуют определённую семантико-стилистическую систему [4]. Рассмотрим её своеобразие на материале поэмы-сказки М. И. Цветаевой «Царь-Девница» (1920) [14].

В творчестве М. И. Цветаевой этого периода (1917–1921 гг.), по словам О. Г. Ревзиной, важно «художественно-поэтическое многоголосие» [8, с. 320]. Поэма-сказка «Царь-Девница» являет собой поэтический опыт освоения народного голоса. А. А. Саакянц отмечает, что летом 1920 г. М. Цветаева была «поглощена замыслом большого эпического произведения на фольклорный сюжет – поэмы-сказки о деве богатыре, Царь-Девнице» [10, с. 208]. Она её написала за два месяца: «с 14 июля по 17 сентября на одном дыхании» [10, с. 211].

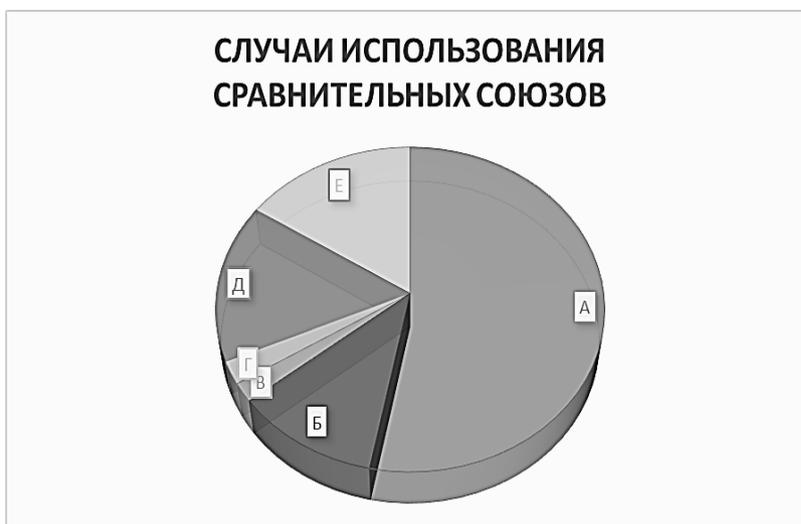
Текст поэмы-сказки М. Цветаевой «Царь-Девница» насыщен сравнениями: в ходе анализа их было выявлено более 200. Такое обилие можно объяснить «деривационным» поэтическим мышлением М. Цветаевой, «фольклорным» периодом в творчестве поэта и ролью сказочного начала в произведении. Сравнения помогают ярко воссоздать сказочный мир, в то же время сохраняя эстетическую дистанцию между миром обычным и миром волшебным, оставляя эффект невыразимости, пробуждая фантазию читателя. Систематизируем семантико-стилистические особенности сравнений в поэме, учитывая способы и средства выражения сравнения (см. о них: [1, с. 141–143; 1, с. 224–230; 9, с. 356–357]).

В поэме-сказке «Царь-Девушка» сосуществуют разнообразные способы и средства выражения сравнения. Представим в виде диаграммы (рис. 1) частотную характеристику способов и средств выражения сравнения, показывающую, что главным способом является **использование сравнительных союзов**, что соответствует общей картине выразительных средств русского языка. Однако, с одной стороны, обратим внимание на разнообразие сравнительных союзов, с другой же стороны, отметим значимость двух других способов, которые употребляются М. Цветаевой далеко не в единичных случаях. Среди сравнительных союзов в поэме-сказке встречаются *как, словно, точно, как будто, ровно, что* (рис. 2).

А) случаи использования сравнительных союзов; Б) отрицательное сравнение; В) творительный сравнительный; Г) другие способы.

Рис. 1 – Способы и средства выражения сравнений

а) как; б) словно; в) точно; г) как будто; д) ровно; е) что

Рис. 2 – Использование сравнительных союзов

Наиболее характерен для сравнительных конструкций русского языка союз *как*, передающий значение реальной модальности. Все остальные сравнительные союзы в поэме несут значение ирреальной модальности. Особенно заметна роль союзов с ирреальной модальностью в характеристике образа Царевича, неприкаянного, чужого в мире материальном.

Среди использованных М. Цветаевой союзов есть обладающие стилистическими пометами: *ровно* – прост. [5, с. 627], *что* – устар. [5, с. 815]. Данные пометы сопровождают языковые средства, характерные для стилистики народной речи. Именно эти сравнительные союзы занимают основное место в поэме, уступая лишь союзу *как*.

Приведём примеры использования сравнительных союзов *ровно* и *что*: *Спит Царевич, распростёрся, / Спит, не слышит ничего, / Ровно палочкой упёрся / Месяц в личико его. // Соврала, что палочкой: / Перстом светлым, пальчиком* [14, с. 190] – Царевич увиден глазами влюблённой в него Мачехи. С самого начала образ Царевича сопрягается с образом месяца. Согласно словарю «Славянская мифология», «луна, месяц – небесное светило, устойчиво ассоциирующееся в народных представлениях с загробным миром, с областью смерти и противопоставленное солнцу как божеству дневного света, тепла и жизни» [11, с. 245]. Спящий и связанный с месяцем Царевич в этом плане не только противопоставляется действующей и солнечной Царь-Девнице, но и несовместим с нею: Солнце восходит, когда на небосводе нет Луны. Самопоправки Мачехи, переданные синонимическим рядом *перстом – пальчиком*, выражают одухотворённость Царевича и нежность к нему Мачехи. Или: *Помертвела ровно столб соляной, / Д' как сорвется, д' как взовьётся струной...* [14, с. 193]. Связь сравнений с глаголами в целом характерна для воплощения образа Мачехи. Чтобы передать состояние Мачехи, узнавшей о поцелуе как плате за помощь колдуна, в приведённом контексте поэт использует библейский образ Лотовой жены. Союз *ровно* включён в пейзажную зарисовку – в прямую речь Царь-Девницы, тщетно пытающейся пробудить Царевича ласковыми словами: *Ровно шерстка на ягнятах-баранах / — Весь восходит в завиточках румяных!* [14, с. 212]. Используется данный союз и в размышлениях Царевича об отношении к нему окружающих: *Все-то нежат день-деньской, / Тешат, нянчат, – / Ровно цветик я какой, / Одуванчик* [14, с. 196], в описании физической немощи Царевича: *Вкруг очей – что обручи, / Набились круги* [14, с. 197].

Приведём примеры употребления союзов, которые вошли в менее частотные группы, однако украшают текст разнообразием: *Словно лес какой червонный – / Все склоняются знамёна...* [14, с. 203]. С помощью гиперболического сравнения выражено почтение рати по отношению к Царь-Девнице. Колоратив *червонный* соотносится с тёплыми тонами, в которых представлена в поэме солнечная, жаркая Царь-Девница. Сравнительный союз *словно* будет повторяться и в двух следующих строфах, создавая синтаксическую анафору. Гиперболическое выражение эмоционального накала мы наблюдаем в сравнении слёз с реками: *Словно реки в половодье – / Слезы светлые текут* [14, с. 203]. Неопределённость сравнения (*словно...какой*) передаёт сакральность образа: *Словно лик какой явленный – / Все склоняются колена* [14, с. 203].

Эффект усиления создаёт союз *точно*, использованный в создании образа богатырши: *Конь с Девницею точно сросся* [14, с. 203]. Резкость, повествовательное напряжение воплощаются с помощью союза *точно* в характеристике образа прибытия Царь-Девницы, нарушившего умиротворённую атмосферу игры на гусях: *Тот поёт, а рёв вокруг-то: / Точно львица с львом сцепилась!* [14, с. 207].

Семантику чудесного освобождения помогает воплотить союз *как будто*, использованный в характеристике образа страстной Мачехи, идущей к Царевичу – как к смыслу своей жизни:

*А там уж – вольней, вольней,
Ногам уж верней, верней,
Как будто из гробика
Восстав, мчишь по воздуху...* [14, с. 221].

Как уже было отмечено, М. Цветаева в поэма-сказке прибегает и к другим способам выражения сравнения. После сравнительных союзов по частотности находятся такие два способа

выражения сравнения, характерные для стилистики народной речи, как творительный сравнительный и отрицательное сравнение.

Творительный сравнительный в более лаконичной форме, чем сравнительная конструкция с союзами, позволяет выразить сравнение. Имена существительные и образовавшиеся из них способом конверсии наречия помогают передать атмосферу волшебства, чудесных превращений, ярких образов, например: *Вихорь-Конь к ней на крылечко / Белой молнией взлетает* [14, с. 202]. Уход Царь-Девы из мира сопровождается грозой, сливается с образом Ильи-пророка, едущего на колеснице: *Молнией поднялась, / Грудь-разломила-сталь* [14, с. 261]; *Красен рубахи холст, / Как кровавая – хлябь...* [14, с. 261]. Образ молнии, соотносящий разные отрезки текста, представляет различные этапы жизни героини: её воинскую доблесть – период до познания любви, её радость и горе в период любви к Царевичу и её уход из жизни, сливающийся с образом грозы. Во всех случаях используется творительный сравнительный, передающий стремительность действия. Образ грозы становится сквозным в сравнениях, представляющих Царь-Деву, и соотносится с семантикой мощного, яркого, грозного, небесного. Гром в народной культуре – «карающее орудие небесных сил» [11, с. 151].

С помощью эллипсиса и сравнения передан образ мерзкого колдуна, которого оттолкнула Царь-Дева: *Д как притопнет о корабль каблучком: / Дядька – кубарем* [14, с. 208]; творительный сравнительный использован и в создании образа Царя, с любовью глядящего на бутылки; для него они прекрасны и таинственны, манят и зовут: *Узнать-то надобно, что в них скрывается, / Что цветом-радугой переливается!* [14, с. 216].

Характеризуя **отрицательные сравнения**, И. Б. Голуб отмечает: «В произведениях устного народного творчества распространены отрицательные сравнения. Из фольклора эти сравнения перешли в русскую поэзию» [1, с. 142]. Поэма-сказка наполнена отрицательными сравнениями, например: *То не солнце по златым ступеням — / Сходит Дева-Царь по красным сходням* [14, с. 207] – появление Царь-Девы, приплывшей из-за моря к Царевичу. В связи с образом Царь-Девы сравнения актуализируют лейтмотив солнца. Солнце – «небесное светило, почитавшееся славянами как источник жизни, тепла и света» [11, с. 361]. Как известно, солярные ассоциации в традиционной культуре соотносятся с мужским началом. Царь-Дева – солнечная, ясная, прекрасная, спасающая, согревающая, её появление передают образы, ассоциирующиеся с тёплыми и сверкающими оттенками.

М. Цветаева использует и отрицательные сравнения, превращающие реальное в ирреальное, например: *Не Царевич к челну – / Лебедь к лебедю льнёт* [14, с. 228].

Использованием сравнительных союзов, творительного сравнительного и отрицательного сравнения не исчерпывается многообразие способов выражения сравнения в поэме-сказке М. Цветаевой «Царь-Дева».

Фольклорную основу имеет встречающийся в тексте приём образного **параллелизма** – «тождественного или сходного расположения элементов речи смежных частях текста, которые, соотносясь, создают единый поэтический образ. <...> Параллелизм издавна распространён в народной поэзии (особенно – параллельные образы из жизни природы и человека...)» [3, с. 267]. Так, начинается поэма именно с приёма параллелизма, характерного для народно-поэтического стиля: *Как у молодой змеи – да старый уж, / Как у молодой жены – да старый муж...* [14, с. 190]. Здесь используется двойная антитеза: *молодая – старый, змея – уж*. Образы Царя и Мачехи противопоставлены не только по возрастному признаку, но и по параметру безобидности: Мачеха, в отличие от своего старого мужа, умна, сильна, опасна. Или: *Над орлёнком своим – орлица, / Над Царевичем – Царь-Дева* [14, с. 259] – образ любящей Царь-Девы, склонившейся над Царевичем (перекличка с образами «Сказки о царе Салтане»).

Для создания образов использована в тексте и **сравнительная степень наречий и прилагательных**: *Ляжет парень смирней травиночки!* [14, с. 195] – передано губительное действие заколдованной булавки (переключка с народным *тише воды, ниже травы*); *Снеговее скатерти, / Мертвец — весь сказ!* [14, с. 197] – используется окказионализм, выраженный сравнительной степенью имени прилагательного и рисующий нечеловеческую бледность Царевича. Неоднократно мы находим в тексте просторечную форму сравнительной степени наречия *пуще* [5, с. 584], передающую народно-поэтическую окраску. Например, в двух случаях с помощью этой формы переданы смущение, целомудренность Царь-Девы и Царевича: *И, зардевшись пуще каски своей, / В лоб целует — промеж ровных бровей* [14, с. 212]; *Вспыхнул пуще корольков-своих-бус* [14, с. 239].

Сравнения выражаются также с помощью **тире перед именной частью составного сказуемого и в бессоюзном сложном предложении**: *Твоя-то — пёрышко / Моя-то — лапица!* [14, с. 209] – бережное разглядывание руки любимого Царь-Девы; в структуре сравнения важен синтаксический параллелизм; *Пьёт — отца хоронит* [14, с. 198] – характеристика Царевича, данная Мачехой, передаёт его печаль, робость, отсутствие жизненных сил и энергии. Сравнение выражено бессоюзной связью и тире.

Неоднократно для выражения сравнения используются **неопределённые описания**, передающие сложность впечатления; неопределённые описания нередко облекаются в вопросительную форму: *«А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой, / Что там за Воин — за Ангел — за Демон такой?»* [14, с. 205]; *«Что за костёр это мчится в степях синих вод?» / — То сваму счастью навстречу красotka плывёт* [14, с. 205] – описание Царь-Девы, когда она поехала на смотрины (кто-то, похожий на Воина, Ангела, Демона, костёр); *Что это вдруг стальным лучом / Рассекло луч вечерний? / То Дева-Царь своим мечом / Клянётся, саблей верной* [14, с. 260] – образ Царь-Девы, воительницы.

Подобный эффект вглядывания во что-то неопределённое создаёт и **приём повторной номинации**, характерный для М. Цветаевой, вслушивающейся во внутреннюю форму слова: *Изнизу — вдоль впалых щёк — / Облак — морок — обморок* [14, с. 213] – цепочка из повторных номинаций передаёт неопределённый образ ирреального состояния, в которое погружён с помощью колдовства Царевич (что-то, похожее на облак, морок, обморок).

Помогают передать сравнение и различные виды **повторов**, соотносящих отрезки текста: *Вынимает из височной кудри / Горсть кручёных-перкручёных струнищ, / Горсть червонных-золотых волосищ* [14, с. 213] – подарок Царь-Девы Царевичу. Сравнение выражено синтаксическим параллелизмом, синтаксической анафорой, словообразовательным повтором (увеличительное значение суффикса); *Ведь всё то ж тебя ждёт / И у жён и у вод: / Грудь — волною встает, / Волна — грудью встает...* [14, с. 228] – в речи колдуна подчёркнуто сходство женщины и моря (и опасность и того и другого), сравнение подчёркнуто хиазмом.

Каждый из способов выражения сравнения обладает семантико-стилистической значимостью в контексте. Раскрыть её помогает анализ образов героев поэмы сквозь призму сравнения. Язык даёт возможность воплотить это разнообразие, становится инструментом творчества, воплощающим тонкие семантико-стилистические грани и оттенки.

References:

1. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka*. Moscow, Ayris-press Publ., 2007.
2. Efimov A. I. *Stilistika russkogo yazyka*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969.
3. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. B. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolayeva. M.: Sov. entsiklopediya, 1997.

4. Nekrasova E. A., Bakina M. A. *Yazykovyye protsessy v sovremennoy russkoy poezii*. M.: Nauka, 1982.
5. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka*. M.: Sov. entsiklopediya, 1973.
6. Prokudenko N. A. *Komparativnaya kartina voyny v povesti V. Astaf'yeva "Posledniy poklon"*. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost'*: materialy III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy 10-letiyu kafedry sovremennogo russkogo yazyka i stilistiki TGPU (29–30 oktyabrya 2003 g.); pod red. N.S. Bolotnovoy. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2003. Pp. 187–192.
7. Prokudenko N. A. *Priem "komparativnogo umnozheniya" v povesti V.P. Astaf'yeva "Posledniy poklon"*. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost'*: materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (27–28 oktyabrya 2005 g.); pod red. N.S. Bolotnovoy. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2005. Pp. 223–229.
8. Revzina O. G. *Marina Tsvetaeva. Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiosiley*. Moscow, Nasledie Publ., 1995. Pp. 305–362.
9. Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika*. Moscow, Oniks 21 vek Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2003.
10. Saakyants A. *Marina Tsvetaeva. Zhizn' i tvorchestvo*. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997.
11. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995.
12. Sypchenko S. V. *Komparativnye tropy kak regulativnoe sredstvo v poeticheskikh tekstakh N. Gumileva*. Bolotnova N.S. [and others]. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosiley*. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2001. Pp. 99–111.
13. Sypchenko S. V. *Sravnienie v leksicheskoy structure poeticheskikh tekstov N. Gumileva*. *Russkiy yazyk v sovremennom kul'turnom prostranstve: materialy yubileynykh konferentsiy, posvyashchennykh 100-letiyu TGPU i 70-letiyu filologicheskogo fakul'teta TGPU (2–3 noyabrya 2000 g.)*; pod red. N.S. Bolotnovoy. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2000. Pp. 103–109.
14. Tsvetaeva M. I. *Tsar'-Devitsa. Sobranie sochineniy v 7 tomakh. T. 3: Poemy. Dramaticheskie proizvedeniya; sost., podgot. teksta i komment. A. Saakyants i L. Mukhina*. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. Pp. 190–279.